

вали падение внешней торговли, сохранили высокие темпы экономического роста. А что можно было сделать нам с нашей нефтегазовой трубой? Мы до кризиса только разговоры говорили и не вкладывали сверхдоходы в рыночную инфраструктуру, чтобы уменьшить, как назвал это Примаков, «сверхзависимость от экспорта сырья».

И получили то, что должны были получить. В частности, сегодня, кроме остальных экономических болячек, существует серьезнейшая системная неприятность: наша банковская система так и не избавилась от хронической недоразвитости; одолжить «длинные деньги» в России почти невозможно, а без этого бизнес не может заниматься серьезными проектами. Поэтому наши крупные предприниматели брали долгосрочные кредиты за рубежом, тем более, что процентные ставки там намного ниже наших. К началу кризиса накопилось около 500 млрд долл. долга. Поклонники «подушки безопасности» должны бы знать, что примерно столько же составляли все золотовалютные запасы России. Ничего хорошего в долгах, понятно, нет, но вот жалеть ли наш бизнес – это еще вопрос. Евгений Примаков напомнил, что, по данным Счетной палаты России, крупные российские корпорации, имеющие долги за рубежом, как только запахло кризисом, провели внеочередные собрания акционеров и выплатили значительные суммы в виде неких «промежуточных» дивидендов. Т. е. собственники крупного бизнеса сознательно забрали из оборота сотни миллиардов рублей, а затем... обратились за господдержкой (спасайте, погибаем, нищем, кризис душит, долги замучили!), и в ряде случаев финансовая помощь была оказана (деньгами налогоплательщиков, т. е. нашими). Вот это здорово, это очень по-нашему! А как насчет создания в России полноценной и доступной внутренней системы финансирования экономики, без которой нельзя рассчитывать на настоящее развитие? Да как-то так... как и раньше.

Еще один несостоятельный вывод: кризис будто бы показал, что доллар исчерпал себя как мировая резервная валюта, и уже маячит на горизонте «эра рубля». Напрасные надежды. В «смерти» доллара, кстати, практически никто не заинтересован, как заметил Евгений Примаков, потому что при удорожании евро к доллару европейские экспортные товары теряют конкурентоспособность, а снижение курса «зеленого» обесценивает резервы стран,

которые держат значительную часть валютных резервов в американских деньгах. Да и экономика Америки как была, так и осталась самой сильной в мире, несмотря на все финансовые штормы и смерчи. Особенно наивны российские прогнозы о превращении нашего рубля в резервную валюту. Мы слишком зависим от цен на сырье, 1% изменения цены на нефть вызывает колебания курса рубля примерно в 0,7%. Резервная валюта обязана быть устойчивой в условиях экономической непогоды. Для этого нужно иметь мощное современное инновационное хозяйство, а мы сегодня – всего лишь всемирная оптовая сырьевая база.

В этом плане кризис показал только одно: будет расти роль региональных и национальных валют. Все остальные рассуждения об «эре рубля» – прекраснотушные мечтания на берегах Москвы-реки, типичная маниловщина (читайте «Мертвые души» г-на сочинителя Н. В. Гоголя, господда, прежде чем делать прогнозы; очень помогает осознать собственное место в меняющемся мире).

Вот такие разочарования в прогнозах, целях, намерениях и уверениях преподнес нам ушедший год. С другой стороны, ушат холодной воды на некоторые головы – это неплохо: трезвит, бодрит, заставляет хоть на миг увидеть мир таким, какой он в действительности. А то, глядишь, снова нефть полезет в гору, снова начнем чваниться и пыхтеть на весь мир о нашем особенном непреходящем значении для цивилизации.

Что год пришедший нам готовит?

Стремление весьма солидных кругов смотреть на мир с «нефтяной колокольни», по мнению Примакова, может очень и очень навредить стране в будущем. Нужно не смотреть назад, вспоминая докризисные времена, а переводить экономику на инновационные рельсы, менять саму структуру хозяйства, модернизировать его, иначе мы безнадежно отстанем от мира. Как подчеркнул Евгений Примаков, по-мехой на этом пути становится прежде всего инерционное мышление очень влиятельных кругов, которые уповают на возвращение сырьевых цен к докризисному уровню. Такое мышление, как предупредил академик, «объективно ведет к превращению России в сырьевой придаток мировых держав, не только «традиционных», но и Китая. Последствия этого для России

пагубны и в экономической, и в социальной, и в политической областях».

Какое направление в конце концов победит в стране, пока непонятно, несмотря на декларации и заявления высшей власти, на принимаемые ей программы. Непонятно уже потому, что у нас любые начинания, если надо, вполне успешно тормозят и сводят на нет круги, которым это невыгодно и неинтересно. А то, что сегодня каждый чиновник и каждый крупный бизнесмен спешит расписаться в любви к инновационной экономике, еще ничего не значит. Колебаться вместе с колебаниями генерального курса значит гарантированно усидеть в кресле и сохранить свой бизнес. Будет ли делаться дело – вот критерий в ситуации, когда многим выгодно и приятно нежиться на сырьевой перинке, тем более что от униженных и оскорбленных пока что можно время от времени легко откупаться объедками с обильного стола. Кстати, чтобы было ясно: слезать с сырьевой иглы совсем не значит повернуться спиной к сырьевым компаниям, как это нередко представляется. Глава ТПП РФ напомнил, что мы еще очень долго будем зависеть от выплачиваемых сырьевым сектором взносов, пополняющих бюджет, и уже поэтому этот сектор должен занимать достойное место в новой экономической модели.

Переход на путь инновационной экономики возможен в России прежде всего при опоре на средние и малые предприятия, как считает Примаков. Надо также серьезно поддержать военно-промышленный комплекс, потому что именно в ВПК находится наибольшая часть научно-технического потенциала страны, необходимого для инновационного развития экономики. Эти технико-технологические достижения должны наконец стать доступными для гражданского производства, как, например, в тех же США.

По мнению Евгения Примакова, продвигать, вернее, стимулировать научно-технический прогресс в России должно государство. Причина проста: у нас нет полноценной конкуренции, такой, как на Западе, которая там буквально заставляет бизнес разрабатывать и применять инновации – иначе просто вылетишь из седла. У нас ситуация другая, и поэтому пока именно государство должно поддержать инновационный бизнес. Как? Так, как во всем мире поддерживают направления, которые нужно «раскрутить»: снизить налоги, предоставить налоговые каникулы, субсидировать процентные ставки на кре-